

Владимир
РАДКЕВИЧ

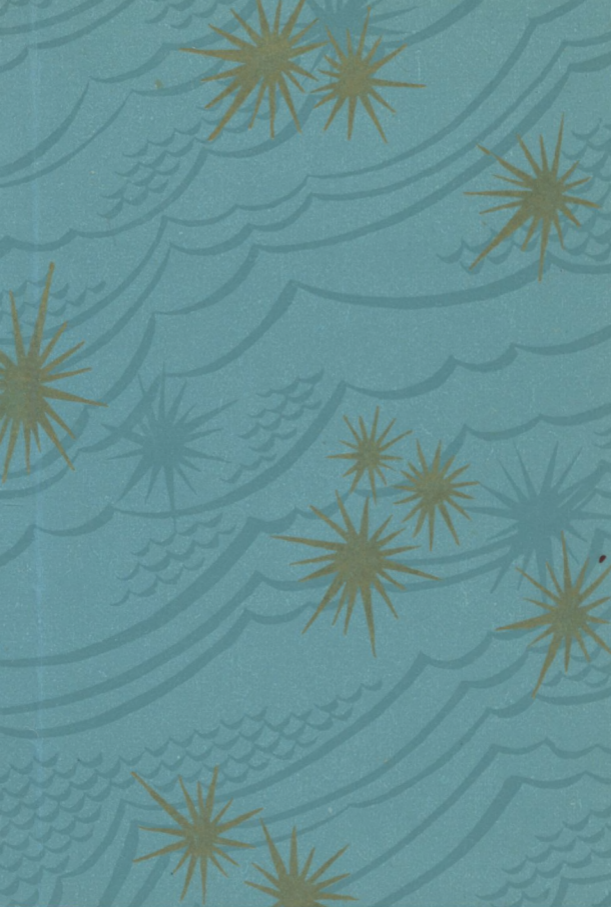
Владимир РАДКЕВИЧ

Стихи
разных
лет

Владимир Радкевич
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

**Владимир
РАДКЕВИЧ**

**Стихи
разных
лет**

**Пермское книжное издательство
1981**

P2
P15

Рецензент Л. Давыдычев

**© Пермское книжное
издательство. 1981.**

P $\frac{70402-27}{M152(03)-81}$ 28-81

РОССИЯ

Как ты была добра ко мне, Россия,
Когда для сына долгие века
Струила реки и леса растила,
И над землей кружила облака.

И чудо, и с хитринкою причудца
В твоей судьбе
ясны мне потому,
Что было мне родиться, как проснуться
В твоём, навек единственном дому.

И все ночные страхи, огорченья
Сгорают неприметно и дотла
При свете зорь твоих —
от излученья
Радушия, спокойствия, тепла.

А в трудный час,
— когда мне очень больно,
Когда я сам не знаю — жив не жив,
Листвой ты что-то шепчешь сердобольно,
Землицу к свежей ране приложив.

Сестреночки —
березки да осинки
Качают солнце в люльке из ветвей.
И тихо прикасаются травинки
К щеке,
как пальцы матери моей.

1972

ПЕРМСКАЯ ЗЕМЛЯ

В камской зелени и сини
Жил и в грозах,
и в тиши
Город в глубине России —
В глубине моей души.
Был он крут,
не обессудьте!
Только, судя по всему,
Он поэтом был —
по сути,
По призванию своему.
Не торжественною одой,
А лирической строкой
Он связал свои заводы
С Камой, небом и тайгой.
Так что, видимо,
с рожденья
Все мы ходим, пермяки,
Под высоким
напряженьем
Той лирической строки.
Молодым пришлось
по вкусу
Крутизна такой земли,
Где к заводу или к вузу
Эти улицы вели.
Был я молод, в самом
деле,
Но остались позади
Азиатские метели,
Европейские дожди.
И курлычет по-над
Пермью
Журавлиная тоска,

И роняют в Каму перья
Перистые облака.
Я живу, теряя близких, —
После всех моих потерь
Ты одна по-матерински
Мне в глаза посмотришь,
Пермь...

1973

УДАЧА

Человеку
удача такая нужна —
Чтоб, костями хрустя,
разогнулась спина,
Чтоб поверил он в силы свои до конца,
Ощутил в себе сердце — сердце бойца,
Грудью воздуха полную меру глотнул
И вокруг озаренно взглянул.
Лишь тогда ему истина станет ясна —
Что удача ему
ежедневно нужна,
Потому что родилось в нем
новое что-то,
Необходимое для полета,
И особое свойство в себе он открыл:
Сходство давнее рук человеческих и крыл.

1958

И пахнет тайгой и сталью
Плывущий по Каме рассвет.

Лучей золотистая россыпь
Сквозь раннюю хмурую облаков,
И эта хозяйская поступь
Уральцев,
монх земляков!

И радость свою,
и невзгоды
Ты, Пермь, от меня не таи —
Прошел я и вешние воды,
И медные трубы твои.

И в сердце вливается что-то
От славы твоей и потерь,
Любовь моя,
жизнь
и работа, —
Земля моя русская —
Пермь!

1972

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

Дорога скорби,
Земных утрат!
Уралом горбясь,
Сибирский тракт,
И в снег, и в слякоть,
И в зной, и в дождь
С кем хочешь сладить,
Куда ведешь?
Как арестанты,
В полосках версты.
А ноги стянуты,
Цепями стерты.
Иду избитый,
Земля качается.
А тракт сибирский
Все не кончается...

Мы добудем свободу,
Есть же горю предел!
Ведь недаром народу
Радищев радел.
Снег предутренный, чистый
Нынче выпал чуть свет.
А на нем — декабристы
Оставили след.
Где рябиновы гроздья
За чертой городской,
Полоса от полозьев
Возка Трубецкой...
Против силищи царской
Шли мы все же не зря —
В красный цвет, по-бунтарски,
Полыхает заря!

1973

ЛЕНИН В ПРИКАМЬЕ

Нет,
ни мгновенья мы
не потеряли
Из ленинских,
живых донне
дней.
Нам скажут:
— Ленин не был
на Урале.
И трудно спорить —
знатокам видней.

Они свое докажут
безусловно,
Архивными бумажками пыля...
Но с Лениным
уже давно и кровно
Сроднилась ты,
прикамская земля!

Еще живет,
как подвиг
материнский,
Как свет и память
доброто тепла,
Старинный дом
на улице Сибирской,
Где в детстве
мать Ульянова жила.

Прислушайтесь:
ведь это очень близко
Грохочет
Мотовилихи раскат,

Где разгорелась
  ленинская «Искра»
Огнем непобежденных
  баррикад.

Был Пятый год
  надеждой, битвой,
  болью,

Но Революция —
  она из этих мест!

И Ленину
  рабочие Усолья

Мандат вручали
  на партийный
  съезд,

Чтоб снова
  правде ленинской
  рождаться

И завладеть рабочими
  людьми.

Чтоб Ленин слал
  на фронт войны
  гражданской

Привет
  освободителям Перми.

Чтоб на земле
  освобожденной
  русской

В бурлящие
  от митингов года

Пронес по вольной Каме
  голос Крупской

Рейс парохода
  «Красная Звезда».

Когда разруха
  нас лишила
  крѳва

И кровью пахла
  каждая верста,

Ты принял сердцем
  ленинское слово,

Пермяк — строитель
Камского моста.
В любой поселок
и в село любое
Приходит Ленин,
потому что он
Для жизни
всенародною любовью
И памятью народной
сохранен.

1980

В каждой сосенке сердцем узнаю,
Расскажи мне, седой Урал,
Где,
    в какой богатырской кузне
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озера
Ты металл расплавленный льешь?
А за Камой в ночи недалней
Тяжкий молот все бьет и бьет.
Так ударит по наковальне —
Только звезды под небосвод!
Сталеваром будь
    иль поэтом —
Только жить тебе суждено
С этим пламенем,
    с этим светом,
С этой молнией заодно.
И в тебе
    найдет продолженье
И тайга, и речной простор,
И магнитное притяженье
Этих древних железных гор.

1972

У ПАМЯТНИКА КРОНШТАДТСКИМ МОРЯКАМ

Из-за лета, как из засады,
Снова осень глядит в упор.
А село Большие Исады
Прячет избы за косогор.

За рекой туманы крошатся,
Солнца луч прозвенел и смолк...
Вот где встретил я вас, кронштадтцы,
Вросший в землю матросский полк!

Я пройду по лесному оврагу
В обреченный ропот листвы
И на землю сырую лягу,
Где когда-то лежали вы.

Не примите за святотатство —
Просто нужно сегодня мне
Хоть на час, хоть на миг остаться
С вами, мертвыми, наедине.

Молчаливы земля и камни,
Море — дальше день ото дня...
Но дошли же вы до Прикамья!
Значит, вы дошли до меня.

Вас на буйную сушу войны
Перебрасывали с корабля,
И застыли холмы, как волны,
Там, где встретила вас земля...

Сколько каждому — сорок, двадцать?
Не об этом сегодня речь!

Просто — в жизни нельзя сдаваться,
Лучше замертво в землю лечь.

У тебя в лице ни кровинки,
Затуманенный тихий взор...
Но стекают с ветвей рябинки
Капли крови на жосогор!

1978

ЧЕРДЫНЬ ВЕЛИКАЯ

Чердынь,
Чердынь Великая,
Чем же ты велика?
Дремлет,
старчески всхлипывая,
Колва-река.
В дреме той иль бессоннице
Время мечется вспять.
Под копытами конницы
Камни вопят.
Разгулялись ушкуйники!
Рать вогульскую гнут.
Соболиные шкурки,
Как женщину, мнут.
По становищу рыскают,
Ткнув кистень за кушак.
Государю российскому
Будет добрый ясак!
Время древнее, гулкое,
Не меня ль ты зовешь?
Лучше стрелы вогульские,
Чем в приказе правеж!
Кровью руки омоются.
Но, крестом осеня,
Стефан Пермский помолится
В тишине за меня.
Очи вороном выпиты.
И ни зги в темноте.
Буквы русские выбиты
На скорбной плите,
И плывет с облаками
Звон в четыре струи.
И дома белокаменны,
Как кости мои.

Этой ночью в гостинице
Я заснуть не смогу.
Лес на Чердынъ не двинется —
Чердынъ двинет в тайгу!
Сдвинут парни российские
Годы,
    горы,
        миры —
Словно пули трассирующие,
Вдоль по трассе костры!
Здесь с лесным заточением
Свыклась
        Колва-река.
Тихо моет течением
Камни, кости, века...
Но, отбросив подробности,
Я из прошлого рвусь.
Трудно слились народности
В Великую Русь!

1968

РЯБЧИКИ

(Чердынская быль)

Ешь ананасы, рябчиков жуй.
День твой последний приходит,
буржуй!

В. Маяковский

Охрана персональная
явилась чуть свет:
— Гражданина Алина
доставить в Совет!
— Нет на вас погибели... —
Седой, как песец,
вздыхает первой гильдии
уральский купец.
Его у порога,
быстрый, как пожар,
встречает Аппога,
уездный комиссар.
Очи, как буравчики,
насквозь пронзают гостя:
— У вас на складах рябчики,
запасы продовольствия!
По строгому приказу
к такой-то срочной дате
всю птицу буржуазную
Советской власти сдайте!

Власть до купца недобрая,
и разве ей постичь:
самим царем едомая
чердынская дичь!
Вогулы да зыряны

обшаривали лес,
чтоб в Питер, в рестораны,
везли деликатес, —
на царские банкеты,
на их монарший суд...

— А в Питере дети
от голода мрут!
...Он не дурак, Аппога!
Ему соврать рискованно:
мол, вы побойтесь бога,
ведь все же конфисковано!
Ведут следы горячие
в болота, за омётки,
а там не только рябчики,
а там и пулеметки.
Тогда себе надгробье
заказывай! Ишь,
как смотрит исподлобья
проклятый латыш!
На бровях подпалина,
морозные глаза...

Гражданина Алина
прошибла слеза:
— Прискорбна доля детская!
Что ж, сотворим добро...
(Известно, что купецкое
чувствительно нутро!)
Утро морозное
летит из-под копыт.
Утро полозьями
по снегу хрустит.
Дорожка завьюжена —
прольешь сто потов.
В Усолье погружено
сто пудов —
мороженная птица,
осенняя, упитанная.
Лети, как говорится,
до самого
до Питера!

Смеются по-ребячьи
уральцы-продармейцы:
— Сгодятся детям рябчики,
коль хлеба не имеется!

Делясь пайками скудными,
когда и жмых — еда,
окаменели скулами
с бесхлебья города.
Дороги очерчены
пожарами в ночах —
уже к Перми и к Чердыни
идет Колчак,
чтоб шомпола горячие
свистели по селу,
чтоб подавались рябчики
к царскому столу.

Кровавая дорога
в Москву, как пуля, метится.
И комиссар Аппога
еще с той пулей встретится.
При свете солнца ясного
за Лысьвой, по весне
его поставят, связанного,
к высокой сосне,
лихой поручик выстроит
карателей отряд...
И в сосняке от выстрела
рябчики
взлетят!

1968

**И дышат мне в лицо озоном
Мои прикамские ветра.
И как гроза за горизонтом —
Те тойкинские трактора!**

1972

ОРЕХИ

Он приходил под вечер, в сумерки,
Шепча, что надо в земотдел.
И, в городской измаян суতোлке,
Неслышно в кухоньке сидел.

Нам было скучно с ним, молчальником,
На нас взиравшим со скамьи, —
С отцом отца, родоначальником
Мужицкой пахотной семьи.

Да и какими там науками,
Не знавший, как букварь листать,
В беседе с городскими внуками
Он мог бы, в сущности, блистать?

И все-таки мы свыклись вскорости
И подружились.

Но как раз
От дружбы с дедом, как от хворости,
Тогда оберегали нас.

Он был для всех не то что врагом,
Но им никто не дорожил.
И — бывший мельник — нынче вороном
Над судьбами семьи кружил.

Но были испытанья горшими,
Когда, прощаясь в ранний час,
Орехи добрыми пригоршнями
Он щедро доставал для нас.
И все же — рады ли, не рады ли —
Под взглядом сумрачным отца
Мы пятились. Орехи падали,
Стуча по лесенкам крыльца.

ТРАКТОРИСТКА

Девчонкою испуганной и тоненькой
Она была, когда ее портрет
Я увидел впервые в кинохронике
Тех памятных послевоенных лет.

Тогда в селе невесты не невестились
И русской обескровленной земли
Мужицкие тревоги и профессии
Безропотные женщины несли.

Ее в то время выдвигали, видимо.
И вот, попав однажды в колею,
Она, еще робея, шла в президиум
И для газет давала интервью.

Чья голова от славы не закружится?
Она ж совсем девчонкою была.
А после — неудачное замужество,
Бессрочные домашние дела.

— Эй, делегатка! —

Муж гогочет, тешится. —
Слетай за водкой...

Сала, што ль, поджарь!

Не для нее

пред выступленьем тезисы
Теперь писал партийный секретарь.

Она сроднилась с бедностью,
как с гордостью.

И так, по той утопанной стезе,
Прошли года. И списан за негодностью
Друг молодости — трактор ХТЗ.

БАЛЛАДА О БАНКЕ ВАРЕНЬЯ

Зачем ты, война,
у мальчишек их детство украла —
И синее небо, и запах простого цветка?
Пришли на заводы
работать

мальчишки Урала.
Подставили ящики,
чтобы достать до станка.

И вот неподкупной зимою
военного года,
Когда занимался над Камой
холодный рассвет,
Собрал самых лучших рабочих
директор завода,
А было рабочим —
всего по четырнадцать лет.

В усталые лица глядело суровое время,
Но каждый в себе
довоенное детство нашел,
Как только рабочую премию —
банку варенья —
Пред ними, мальчишками,
кто-то поставил на стол.

И вот над заводом,
над лесом, в снегу задремавшим,
Среди подступившей внезапно к сердцам
тишины,
Повеяло чем-то давно позабытым,
домашним,

Как будто бы не было больше
на свете войны.
...Ах, банка варенья,
простое и верное средство
Напомнить о том,
что, как жизнь у людей ни горька,
Но будет еще у мальчишек
и солнце, и детство,
И синее небо, и запах простого цветка!

1972

Вот как крепко сродниться
вы с землею смогли! —
Сами стали частицей
нашей русской земли...

1955

МАТЬ И СЫН

Сколько ни прожито, да счастье нажито!
Зайдет соседка в пуховом платочке:

— Петровна, милая, снова вяжете?

— Носочки!

— Кому?

— Да ему, сыночку...

Сын у мальчишек за полководца.

Весь день на улице, а как умается,

Вбежит с мороза, в колени ткнется:

— Мама, а мы играли в чапаевцев!

— Ну вот и ладно. Надень, Сереженька,

Надень носки, чтоб не мерзли ноженьки!

Десять лет в одночасье прожито.

Пойдешь на почту и скажешь попутчице:

— Посылку отправить хочу!

Сережа-то

В городе, на инженера учится.

Недавно писал: «Отметки отличные,

Обо мне не тревожьтесь,

все это зряшное...»

А в посылке —

коржики, варенье клубничное,

Сережино любимое, домашнее.

И носки шерстяные:

носи, Сереженька;

Носи, родной, чтоб не мерзли ноженьки...

Сама их сыну в рюкзак положила,

Сама и на фронт его проводила.

В носках материнских тепло ему было,

Да пуля проклятая с ног повалила.

А сына убили —

И ноги остыли.

Мелькают в руках проворные спицы.
 — Петровна, светает, а вы все вяжете...
 Наверно, носочки? — Да просто не спится,
 Кому их вязать-то мне — тоже скажете...
 А самой кажется:
 Подойдет неслышно, отнимет пряжу,
 Шею вдруг обовьет рука его.
 В глаза бессонные глянет и скажет:
 — Мама, не нужно!
 Мама, какая вы...
 Годы отмечены
 Новыми встречами.
 Стали глазами сына
 синие воды озерные.
 Стали бровями сына
 тучи на небе черные.
 Стало ясное солнце
 его теплом и любовью.
 Стала ранняя зорька
 улыбкой его сыновней.
 А зорька разбудит,
 пойдешь на поля —
 В каждой росинке,
 На каждой травинке —
 Его кровинка,
 Твоя кровинка, Петровна!
 Он жив,
 Покуда живет земля,
 Родная,
 любимая,
 кровная —
 Кровью лучших сынов освященная,
 Сердцем всех матерей защищенная.

1958

ШУМЯТ МОЛОДЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Шумят молодые деревья —
Шестнадцать березок подряд,
С войны не дождалась
деревня
Шестнадцать хороших ребят.
Напомнят тревожные были
Березоньки шумом ветвей...
Их матери здесь посадили,
Оплавав своих сыновей.
Победные майские грозы
Остались давно позади,
Но, как материнские слезы,
На землю все льются дожди.
А в час золотого заката
Шумит молодая листва.
У этих березок девчата
Заветные ищут слова —
И радости быть, и веселью
В просторах родимой земли...
В свою материнскую землю
Березки корнями вросли,
В' лучах незакатного солнца
Равняют торжественный строй.
А память живой остается,
И боль остается живой.

1978

Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству, кадим.
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым.
Солнце светит
                                  даже и за облаком.
Есть исток и устье у реки.
И цветок,
                                  чтоб стать под осень яблоком,
По ветру бросает лепестки.

1970

Я чувствую,
                  как волосы седеют,
Когда их жжет обида и тоска.
Они сначала
                  тихо холодеют,
А после —
                  умирают у виска.
Я, верно, в жизни
                  что-нибудь да значу,
Найду себя —
                  в грозе или в молве.
Но разве я
                  по волосам заплачу,
Когда не плачу я
                  о голове!

1972

Владимиру Черненко

Когда дожди, по окнам морося,
Рыдают так, что сам бы разрыдался,
Ко мне стихи приходят, как друзья,
С которыми я долго не видался.

Но общей темы сразу не найдешь,
От прежней дружбы пахнет мавзолеем.
Слова, слова...— Ну, как, старик, живешь?
— Да вот живу!

— Стареем, друг, стареем!

Стихи, как гости, словно начеку,
Строка строке неслышно что-то шепчет:
— Давайте выпьем...

Может быть, чайку?

— Чайку — пожалуй.

Но смотри, не крепче!

О вы, мои непьющие стихи!
Я ждал от вас совсем, совсем иного.
Вы что-то подозрительно тихи,
Как родственники в комнате больного.

Я вас понять сегодня не могу.
Да что вы, позабыли в самом деле,
Как мы по бездорожью шли в тайгу
И у костра в обнимочку сидели?

Ах, болен я? На это мне плевать!
Ведь мы подвластны не домашним бурям.
Еще мы будем женщин целовать,
Еще не раз, друзья, набедокурим!

В наш век чернить поэзию не смейте,
Она во всем пред будущим чиста.
Она с людьми —
        в бесславье и в бессмертье,
И в этом цель ее и правота.
И если счастье в будущих восходах
Пока — мечта, а не прямой устав,
Поэзия, как мать в тяжелых родах,
Сквозь зубы стонет, руки разметав.
Она не ждет,
        что к ней придут с повинной.
Все губы искусав до синевы,
Она сама обрежет пуповину
В тот самый миг,
        когда родитесь вы!

1964

ИВАКИНСКИЙ КОНТОРЩИК

Ещё ни льстивых доброхотов,
Ни криков яростных: — Ату!
В графе приходов и расходов
Не скоро подводить черту.
Вдали, в обугленной Европе,
Вовсю орудует война.
А здесь — рассвет над Камой,
копи,

А здесь — лесная тишина.
И только сосны вековые
За ним бредут сквозь ветровал.
Он молод.

Все ему впервые:
Любовь, поэзия, Урал!

В Москве эстрада рожи корчит,
Являя гениев на свет.
А он — ивакинский конторщик —
Почти неведом как поэт.

Но жизнь подобная полезна!
Еще не дале чем вчера
Спас от призыва пол-уезда
Он смелым росчерком пера.
И все ж, Урал,
из сердца вырви
Восторга исступленный крик,
Лесами Всеволодо-Вильвы
Ляг на листы конторских книг.

Ты сам и критик свой, и автор —
Твори, ораторствуй, гвозди
И, как обилие метафор,
На горы горы громозди!

Поэзия всегда подспудна,
Как под снегами звон ручья,
И пересудам неподсудна,
Поскольку собственность — ничья.

Ей делать человека гордым
И с возрастом не убывать.
А как в ту осень хлынуть горлом —
Еще с полвека
убивать...

1968

ОТ НАС УХОДЯТ СТАРШИЕ

Памяти К. В. Рождественской

От нас
уходят старшие,
безвременно почившие —
частицей нашей
ставшие,
работать нас учившие.
Вдруг сердце остановится,
а нам —
трудней становится
без очень нежной
хмурости,
без очень нужной
мудрости.
И все-таки
прислушайся:
Земля, как прежде,
вертится.
В их светлое присутствие
мне почему-то
верится.
Не верю
слуху вздорному,
что вот — пришел конец.
Нет, просто сердце взорвано
на тысячи сердец,
и новые
галактики
от взрыва образуются.
И это —
в их характере,
в посмертной
их разумности.

ПРОГУЛКА ПО КАМЕ

Сергею Смирнову

Хмельны и здоровы пока мы,
Что сбудется с нами — не в счет!
По Каме, по Каме, по Каме
Веселый плывет пароход.

И женщина тихо смеется,
Но дело не только в вине —
У нас незакатное солнце
Танцует на каждой волне!

И солнце стоит за штурвалом
У кромки речной синевы,
Где мы привечаем Уралом
Хороших людей из Москвы.

Не чахлые летние дачи —
От ветра гудит окоём!
А пристань все дальше
и дальше,
А мы все плывем и плывем...

Зачем же мне мостик над бездной
К тому отблеставшему дню,
Который я так бесполезно
В себе, постаревшем, храню?

Молиться? Упасть на колени,
Чтоб сызнава — грозы с тайги,
Чтоб рядом Василий Кулемин
Читал, задыхаясь, стихи.

БУКИРЕВ

Случай, в общем, не редкий...
В дни победной весны
Подполковником ректор
Возвратился с войны.

Виды видывал многие,
Смерти в очи глядел.
А его биология
Там была не у дел.

И, уставший от маршей,
Смертный выстрадав путь,
Был он в чем-то домашний
И не страшный ничуть.

Не ученым умением,
Просто — верен себе,
Быть умел
                                провидением
В чьей-то трудной судьбе.

Проникая при случае
В драмкружок и в спортзал,
В нас он самое лучшее
Нам самим показал.

Вроде просто бы: выучил
И дипломы вручил.
А на деле-то — выручил,
Верить в жизнь научил.

Обращался ли, трогая,
К сердцу или к уму —
Тут его биология
Помогала ему...

ПЕРМСКИЕ БОГИ

В муках правду искали,
В тщетной жажде добра,
На острожном Урале
Пермяки-мастера.

Их резные изделия
Не сулили покоя —
Жили боги из дерева
Черной жизнью людской.

Сквозь ели медовые,
Сквозь молитвенный гул
Бог кричал,
                    замордованный,
Как охотник-вогул.

Не кора,
                    а короста
На плечах
                    от плетей —
Только дух непокорства
Полыхал из очей.

Мир живой и объемный
К богу плоских икон,
Как язычник исконный,
Не пошел на поклон.

Вывозила кривая
Сквозь столетний туман.
И богов укрывали,
Словно беглых крестьян.

**И хлестали Исуса
По мужицким бокам.
Ибо правда искусства
Это — вызов богам!**

1971

Поухватистее придут.
...В мастерской
картина стояла,
И сквозь будничную пыльцу
Каждой краской
она пылала.
И струились огни Урала
У художника по лицу.

1971

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КУШТУМА

Редеют леса на Урале
У рек,
    у озёрной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!

Лишь праха ничтожная щепоть
Да гиблая черная мгла,
Где птичий улыбчивый щебет,
Где песня лесная была,

Где с зеленью солнце смешалось,
Листою на землю лилось,
Чтоб людям полегче дышалось,
А значит, полегче жилось.

Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим. И жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты.

Прощай же, зеленое чудо!
Все громче стучат топоры
И около камня Полюда,
И около Думной горы.

Земля еще терпит и кормит —
Мы старшие в общей семье.
Когда обнажаются корни,
Нам трудно стоять на земле!

К молчанью природы привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь

От нынешних скорых прибытков
До будущих долгих потерь.

И все, что мы так потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редеют леса на Урале...
Да если бы только леса!

1972

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Поземка металась, как заяц,
На нас натываясь впотьмах.
А звезды над лесом казались
Огнями в нездешних домах.

Дорога в сугробах тонула,
Ведя на огни напрямиком.
И все же от звезд не тянуло
Ни духом жилым, ни дымком.

Но вот — сквозь бессонницу волчью,
Сквозь ночь — на года, на века —
Для нас засияло воочью
Окошко в избе лесника.

И пар из распахнутой двери
К нам вымахнул через порог...
А звезды в немеющей тверди
Нас ждали у новых дорог!

1977

КУВА ОСЕННЯЯ

Не плывут по Куве,
чуть кивая, кувшинки,
Не вплетаются в волны
лучей паутины.
И, как летом, с полей зацветающей ржи
Не летят по утрам над Кувою стрижи.
Берега, где тайга отступает в низины,
Красным градом
усыпали гроздья рябины.
Да плакучий ивняк, да березка иная
Выйдет на берег, ветки в Куву окуная.
Ты течешь — не течешь,
ты жива иль мертва?
Мне за белым туманом не видно, Кува.
Только тот,
кто назвал тебя мертвой, неправ,
Он не видел твой буйный,
безудержный нрав.
В напоенные талыми водами вёсны
Ты несла, как пушинки, столетние сосны.
Далеко ты глядело, уральское взгорье, —
Через Камское море в Цимлянское море...

1955

Сентябрьским утром выйди посмотри:
Стоит березка, над рекой склоненная,
И затаенной лаской изнутри
Вся светится, как девушка влюбленная.
В тяжелых тучах запад и восток,
И так жесток
Сквозной осенний ветер.
А у нее еще любой листок
Живет воспоминаньями о лете.

1957

УРАЛОЧКА

Под утро пала изморозь
На улицы села.
Березовая изгородь
От инея бела.

За Камой дымка вьюжится
Прозрачно и легко.
Поблескивают лужицы
Сиреневым ледком.

А по весенней наледи,
Помедлив у ворот,
Нарядная, как на люди,
Уралочка идет.

Высокие ботиночки,
Шагает налегке —
Родная до родиночки
На беленькой щеке.

Со мной почти что рядышком
Вздохнула и прошла
И лишь задела краешком
Сердечного тепла.

Но разве мало этого?
На то и есть она —
С морозными рассветами
Уральская весна!

1962

**О девушки с бровями соболиными,
Не смейтесь вы над нашими сединами.
Они бывают разными, седины,
Они бывают грозными, седины, —
Как пена пред грозой в студеном море.
Седины часто наживают в горе.**

**О девушки с бровями соболиными,
Не бегайте за нашими сединами.
Не очень-то надейтесь на седины,
Они бывают лживыми, седины, —
Так мгла корабль обманывает в море...
Не все седины наживают в горе.**

1976

МЕТЕЛЬ

Метут метели исстари,
Метут со всех сторон.
Идут метели издали,
Из пушкинских времен.

Они чисты и праведны,
Как боль земных утрат.
В метелях с нами прадеды
По-русски говорят!

Не просто заметь мерзлая,
Ревущая во мгле,
Не просто зависть мертвая
К живущим на земле —

Кричит из белой вечности,
Из звездной мерзлоты
Тоска по человечности
Огня и теплоты!

И вот ко мне доносится
В метельном декабре
Призыв из одиночества,
Как точки и тире.

С каким то исступлением
Я тот язык учу,
В ответ сердцебиением
Стучу, стучу, стучу.

А если боль запомнится
И будет жить в тебе,
Ну что ж, заплачь, затворица,
Под волчий вой в трубе!

И сказала ему темнота неспроста:
— Я жена, да не та.
И березка не та.

Гасла в небе над ним за звездой звезда,
Осыпаясь на землю осколками льда.
И увидел он сам,
Что попал не туда,
Все чужое вокруг —
вот какая беда!

Все чужое вокруг —
Вот какая беда!
И земля расступилась под ним,
как вода,
И глаза его стали осколками льда.
Только в сердце чуть слышно
мерцала звезда,
Заставляя идти —
Неизвестно куда.

Так о чем же он думал,
чужаком человек?
Ведь и сам он не знал:
Год прошел или век?
Для него — целый год,
Для жены — целый век,
Так случается часто
в космический век!
И ушел
Неизвестно куда
Человек.

1967

Ждали —
    к лучшему все переменится,
А друг друга не знали ничуть:
Переможется, мол,
                                перемелется,
Образуется как-нибудь!
Так и жили,
                                пока были молоды,
В каждой ссоре вина не себя.
Поглядели —
                                ан все перемолото:
И любовь, и судьба, и семья.

1966

ДОБРЫЙ ДОМ

Вы убили свой добрый дом —
Вы набили его добром.
Мертвый дом.
Натюрморт с натуры.
Секретеры и гарнитуры,
Гардеробы и стеллажи.
Дух обмана и запах лжи,
Негде ссориться и дружить,
Тут не жить —
Добро сторожить...

А понятно ли вам,
    что добро —
Не в тугих кошельках серебро.
Не добро —
    за семью запорами,
За оградами и заборами.
Псы цепные,
    ощерясь зло,
Не добро сторожат,
А зло.

Нынче людям пришла пора
По-иному
    желать добра —
Настоящего, а не ложного,
В сундуки с нафталином
    уложенного.

— Добрый день! —
    я вам говорю
И смеюсь, угадав зарю.
— Добрый день,
    золотое зернышко,

Подрастай,
Прорастай, как солнышко!
Что ж касается звезд и месяца,
То они в сундуках не уместятся:
Звезды
          только тогда рождаются,
Если в чистых глазах
Отражаются!

1978

СТИХИ О ПРИМИРЕНИИ

Пришла и мне сказала: — Здравствуй!
И словно не было разлуки.
И молоды, как прежде, страсти,
Нежны, как прежде, речь и руки.

Как будто бы, уйдя к другому,
Любовь невзгодами училась
И вот сейчас, вернувшись к дому,
Твердит: — Я просто отлучилась...

* * *

А он? Что, разве он не жив?
Ну, не в любви — хотя бы в злости.
Иль, разрешенья не спросив,
Он в жизнь твою вошел, как в гости?

Что ж, этого не будет вновь.
Пусть на коленях молят: — Сжался!
Себя жалея, когда любовь
Впускаешь, словно постояльца.

* * *

Открылась дверь Да, да, входи!
Здесь те же стены и привычки.
Войди, квартиру огляди.
Курить? Вот папиросы, спички.

Уюта нет в моем дому.
Вот — почернела печь от дыма...
Ах, нет! Совсем не потому
Ты здесь была необходима!

Прощенье... В ком же нет вины?
И в чем оно — в движеньи, в слове?
Те дни, что были так черны,
Перечеркнем — не надо крови!

Как будто нас живой водой
Вдруг напоили из колодца.
И то, что звали мы бедой,
Лишь давней болью отзовется...

1955

НА ВОКЗАЛЕ

Плавню тронулся с места скорый,
И на стыках стучит состав,
Добрым басом у семафора
В утешенье пророкотав.

На платформе тележку грузят,
Где-то песню поют вразброд,
Снова женщина в синей блузе
Мокрой тряпкою стекла трет.

Словно все еще из окошка
Мне косынкою машешь ты.
Та же девочка в босоножках
Продает по рублю цветы.

А по строгому распорядку,
Зная каждой минуте счет,
Объявляют уже посадку
На состав, похожий на тот.

И мне кажется поневоле
Блеск чужих напряженных глаз
Отраженьем все той же боли,
Что недавно пронзила нас...

1952

РОДНЫЕ

Как хорошо, что есть на свете люди,
Которые, с рожденья зная нас,
За неудачу горько не осудят
И радость с нами делят в добрый час.
На огонек или на чашку чаю
Однажды в год зайдешь на пять минут —
Тебя всегда с любовью привечают
И запросто по имени зовут.
Про жизнь, здоровье справятся сердечно,
И хороши ль, плохи ль твои дела —
Ты все для них тот мальчуган потешный,
Что сделал шаг от стула до стола.
И ты уйдешь, той ласкою отмечен,
Не так, по правде, ею дорожа.
А через год узнаешь вновь при встрече,
Что вырос и, пожалуй, возмужал.
И в той любви, простой и немудрящей,
Всегда ты юн — хоть до волос седых.
Вы заходите к ним, друзья, почаще:
Ведь с каждым годом меньше, меньше их...

1958

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Снова дороги легли между нами
Ширью лесов, синевой морей.
Это неправда, не верь, что с годами
Мы забываем своих матерей!

Сыну всегда ты спешила на помощь —
Там, где никто бы другой не помог.
Даже в ненастье, в дождливую полночь
Вижу в окошке твоим огонек.

Как я хочу на тебя наглядеться!
Солнышком ясным мне сердце согрей —
Рядом с тобою не старится детство
Взрослых, далеких твоих сыновей.

Мама, прости мне, что доля земная
Для матерей до сих пор нелегка...
Ты подожди меня, мама, родная,
Ты не гаси своего огонька.

1966

Земля передо мною виновата,
Любая —
        в солнце, в радуге, в дыму...
И что сулят кровавые закаты,
Неведомо сегодня никому.
А притворялась:
        зеленю светила,
Пыталась ветром ласковым обнять.
Но только для того меня растила,
Чтоб самое любимое отнять.
Не злаку здесь расти,
        а злому зелью,
Истоку сумасшедшего огня.
И плачу я.
        И спрашиваю землю:
Зачем взяла ты
        маму
        у меня?

1967

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму — насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.

Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.

1967

Сквозь березы
                                светло и знакомо
Вновь глядит на меня рассвет.
Всё — как прежде.
И только дома,
Материнского дома нет.
Нет пристанища в людном мире,
Где не судят,
                                а просто ждут.
И в знакомой твоей квартире
Незнакомые люди живут.

Я ловлю
                                этот блеск мгновенный
Молодого земного дня,
Но от звезд и планет Вселенной
Тянет холодом
                                на меня.
И Земля бы
                                давно застыла
Зимней птицею на лету,
Если б только не сохранила
Материнскую доброту.

И мне слышится голос ласковый
Дальним эхом твоей любви:
— Не ищи меня,
                                не оплакивай,
А во имя мое — живи!

Надо жить.
И дымят заводы,
Дышат травы, зовет гроза.

И висят надо мною звезды,
Как заплаканные глаза.
На земле, на дорогах разных,
Где пройти мне и высь, и дол,
Мама, ты моя боль и праздник,
Мой вовек неоплатный долг.

1968

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Иду над речкою тропинкою знакомою,
Туман колышется, над берегом плывет.
Не угадать в тумане том,
Далек ли мой родимый дом,
Где столько лет меня родная мама ждет.

В лесном кустарнике
краснеют волчьи ягоды,
Под ноги стелется студеная роса.
Кукушки голос мне сказал:
К тебе я, мама, опоздал —
На целый год, на целый день, на полчаса..

Ну что ж, встречай меня,
потерянная родина!
Пускай в разлуке
много трудных лет прошло —
Еще не выпали снега,
Еще поля, еще луга
Хранят родное материнское тепло...

1979

Л. Давыдычеву

И все-таки
мы в смерть родных не верим,
Она для нас пугающе чужда.
И равнодушны к тягостным потерям
Дарованные вечностью года.
Все тот же день.
Все тот же лист осенний,
Слетев с березы,
кружится легко.
И мы живем в счастливом заблужденье,
Что где-то,
очень-очень далеко,
Еще во ржи звенит кузнечик тонко,
Еще траву босые ноги мнут...
А вдалеке
так радостно и звонко
Нас молодые матери зовут!

1964

ПЕРВЫЙ ПОКЛОН

Старинный плат немного тронут молью,
Повязанный до седеньких бровей.

— Васильевна, куда?

— На богомолье!

Звала соседка, я уж вместе с ней...

Вслед маленькой и сухонькой старушке

Я посмотрел, невольно поражен:

В ее убогой, чистой комнатушке

Не видел ни лампадок, ни икон.

Хлопчущей в дому еще с рассвета

И в год ни разу не крестившей лба,

Ей прозвище не подходило это:

Смиренная господняя раба!

Вдове солдата, матери солдата,

Какую ей замаливать вину?

За мужа, что погиб еще в двадцатом,

За сына, что — в последнюю войну?..

Неслышная,

в руках весь дом держала,

Не жалуясь на трудное житье.

Белье стирала, внуков обшивала —

Тех, что теперь не помнят про нее.

Все — грамотеи. А за год — ни строчки,

Жива она, здорова ли, больна.

Легко забыть, что родились в сорочке,

Что ту сорочку

сшила им она!

Она сейчас впервой поклон положит,

Покорный, истовый, до самой до земли...

Что из того, что бог ей не поможет?

Мы, люди, тоже ей не помогли!

1957

В КЛУБЕ СЕГОДНЯ ТАНЦЫ

Отставлены стулья в сторонку.
И первой, раздвинув подруг,
В дешевеньких клипсах девчонка
Влетает в раздавшийся круг.

И охнул баян в изумленье,
Ожег поселковых ребят.
Одни на нее с восхищеньем,
Другие — с насмешкой глядят.

Она же от множества взоров
Застыла, смутилась на миг
И бросилась в пляску, как в прорубь,
И тоненько вскрикнула: — И-их!

Повадкой на лебедь походит,
Всей юною статью берет.
То с вызовом грудью поводит,
То вдруг озорно подмигнет.

Мол, как же он бросил такую?
Ведь вот она я — на виду.
Ославил? Так я же танцую.
Оставил? Другого найду.

Девчонка все кружит и кружит,
Платочком махнет голубым:
Мол, кто из нас, миленький, хуже —
Мы это еще поглядим!

Парней разжигает припевкой,
А взгляд и лукав, и лучист.
— Вот девка! Ведь черт, а не девка! —
Бывалый твердит баянист.

И щеки красны, как с мороза.
И горюшка нет ни о ком.
И что она —   пот или слезы —
С лица утирает платком?

1957

Вдыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел.
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.

1964

У СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ

Молчаливо

и чуть растерянно,
словно что-то оставил тут,
я стою

у высокого терема,
где учительницы живут.
Нет ни сада, ни огородика.
ни пуховых перин про запас —
только ласковый смех

да родинка
у застенчивых добрых глаз.
Ходу нет

в это царство девичье
деревенской густой тоске.
То ль по-детски,

то ль по-студенчески
здесь живут себе налегке,
лишь на жаркие споры жадные,
семь Алёнушек —

вроде семьи...

До свидания,

милые жаворонки,
горожаночки вы мои!

Вам спасибо

за песни до вечера,
за ночные стихи в тишине,
за ночлег,

до обиды доверчиво
рядом с вами предложенный мне.
И пускай, зеленея от зависти,
бабы строгие вас корят,
и что нету у вас

хозяйственности,

сыновьям своим говорят, —
Здесь вам жить да жить не стареючи,
не сгорать в осенних кострах.
Мимо окон
Иваны-царевичи
проезжают на тракторах.
И не надо им
огородика
и приданого в сундуке —
лишь бы ласковый смех
да родинка
на прильнувшей к груди щеке.

1964

ПРОСЕКА К СОЛНЦУ

Я здесь, в лесах Урала,
Проникнутых безмолвьем и
смолою.

Пабло Неруда

Лес был вокруг.
Был для грибов и ягод.
Для детского протяжного «ау!»,
Для нужд крестьянских
и крестьянских тягот.
Был давней сказкой, зримой наяву.
Дичась,
Он к людям подошел и замер.
Он глухо выл в голодный зимний день
И яростными волчьими глазами
Глядел в хлева притихших деревень.
Морошка, да рябинки-сиротинки,
Да жухлый мох, да ветки до земли.
Звериные тропинки,
Как морщинки,
И вкривь и вкось леса пересекли.
Шел от болот гнилой и прелый запах.
Цвел иван-чай, стелился курослеп.
Держали ели
солнце
в цепких лапах:
Был даже полдень
Сумеречно слеп.
Тянуло гарью от лесного пала.
Лежал в ложбинах ноздреватый снег
В июне даже... ●
...И в лесах Урала
На помощь солнцу

ДОЧЕРЯМ

Меня все чаще сковывает холод,
Предчувствие неотвратимых бед.
Все дело в том, что я уже не молод,
А вам, дочурки, восемь-девять лет.

Всё вниз, все круче жизненная горка,
Все смертны — будет очередь моя...
Я не страшусь. Но скорбно мне и горько,
Что вашу юность не увижу я.

Но если из-за туч, подобно чуду,
Прольется тихий и печальный свет,
То знайте — это я гляжу оттуда,
Чтоб разглядеть: вы счастливы или нет?

Я лишь взгляну и заструюсь обратно,
В нездешние надзвездные края...
Да будет к вам светла и благодатна
Мной так сейчас любимая земля!

1977

СЫНУ

И в юности бывает лихо,
Но это, право, не беда:
Весенняя неразбериха —
Все смоем вешняя вода.
И радуга,

        в твой полдень жаркий
Землей зеленою ведя,
Сомкнется триумфальной аркой,
Рассыпав капельки дождя.
Не надо старческую мутность
Давным-давно потухших глаз
Учтиво принимать за мудрость,
Всегда спасающую нас.
Не к водопою стадный топот,
Тропой протоптанной пыли, —
Тут важен твой,

        не чей-то опыт,
Все надо начинать с нуля!
Узнать,

        как горько пахнут травы,
Как горек хлеб насущный твой,
И смелым быть —

        не ради славы,
А потому, что ты живой.
Тебе, тебе даны впервые
До наступленья темноты
И эти сосны вековые,
И эти птицы полевые,
Крылом задевшие цветы...
Ищи у жизни смысл глубинный,
Свой трудный путь и свой привал,
И что тебе

        в глазах любимой,

Когда не ты их целовал!
Но, веря в собственные силы
И утверждая жизни суть,
О том,
    что это ты — Россия,
Ни на мгновение не забудь!

1978

ЦВЕТЫ И КАМНИ

Там, где летнее солнце щедро
Напоило лесной Урал,
Поднимаются к небу недра
На возвышенных гребнях скал.

Я пройду по холмам Прикамья
Сквозь размывы российских гроз.
То ль цветы обернулись в камни,
То ли камень цветком пророс.

Разнотравье лугов так ясно
Даже в недрах Урал хранит:
Василек — лазурит,
лютик — яшма,
Травка малая — малахит.

Чтоб мы стали чуть-чуть добрее,
Из тяжелых земных глубин
Голубым огоньком кипрея
Пробивается аквамарин.

Я иду, пригибая ветви,
И, как в юности, мне видна
Жизни радость и разноцветье,
Неоглядная глубина.

Вновь дышу травяным настоем,
Чтобы все-таки проросло
Самым нужным и честным словом
Все, что сердце когда-то жгло.

1980

Я — ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Когда снега — белым-бело,
Когда в лицо гроза ударит,
Свое душевное тепло
Мне бескорыстно люди дарят.

И ты в ответ тепло отдашь,
Чтоб солнца луч сверкнул в тумане.
Я с вами, люди. Весь я ваш,
Я капля в вашем океане.

Вовек я дружбы не предаю,
Не обману любовь былую.
Я руку жму моим друзьям,
В глаза любимую целую.

Земля в снегу или в цвету
На ту любовь имеет право.
Пусть знают нашу доброту
Луг и река, леса и травы.

Вновь ждут тепла и ждут дождей
Поля хлебов моих насущных.
Я — человек среди людей,
И я — живой среди живущих!

1978

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Россия	5
«Синим светом над озерами...»	6
«Зачем ты, Кама, добрая река...»	7
Я — с Урала	8
Пермская земля	10
«Вечно Каме по жизни народа стру- иться...»	12
«Какой-то буйный дар утрачен...»	13
Удача	14
Память	15
Пермь	16
Сибирский тракт	18
Ленин в Прикамье	19
Эхо	22
«В каждой сосенке сердцем уз- нан...»	24
Камский мост	25
У памятника кронштадтским моря- кам	27
Чердынь Великая	29
Рябчики	31
Тойкинские трактора	34
Орехи	36
Трактористка	38
Студенты 41-го года	40
Баллада о банке варенья	42
Молодые солдаты	44
Мать и сын	46
Шумят молодые деревья	48
Под звездами	49
«Молодость сочтя за преимуще- ство...»	50
«Я чувствую, как волосы седеют...»	51

«Когда дожди, по окнам морося...»	52
Льву Давыдычеву	54
«В наш век чернить поэзию не смейте...»	55
Ивакинский конторщик	56
От нас уходят старшие	58
Прогулка по Каме	60
Букирев	62
Пермские боги	64
Юбилейное	66
Колюпановские эмали	68
Памяти Николая Куштума	70
Исход	72
Дети	73
«Кто скажет, что такое ожи- данье?...»	74
В зимнем лесу	75
Март	76
«Идет весна-распутица...»	77
Осинки	78
Кува осенняя	79
«Сентябрьским утром выйди по- смотри...»	80
Уралочка	81
«О девушки с бровями соболины- ми...»	82
Метель	83
Баллада о родном доме	85
Стихи о сыне	87
«Ждали — к лучшему все переме- нится...»	88
«Есть дома — нелюдимы...»	89
Добрый дом	90
Старая песня	92
Стихи о примирении	93
«В любви нет ни добра, ни зла...»	95
Весеннее	96
«Не стремительной легкой по- ступью...»	97
«Я у тебя не первый, не послед- ний...»	98
«Зачем же так непоправимо...»	99

На вокзале	100
Родные	101
Письмо к матери	102
«Земля передо мною виновата...»	103
«Без мамы я жить не умею...»	104
«Сквозь березы светло и знакомо...»	105
Возвращение	107
«И все-таки мы в смерть родных не верим...»	108
Первый поклон	109
В клубе сегодня танцы	110
В утренней электричке	112
У сельских учительниц	114
Просека к солнцу	116
Дочерям	118
Сыну	119
Цветы и камни	121
Я — человек среди людей	122

**Владимир Ильич
РАДКЕВИЧ**

Стихи разных лет

Зав. редакцией *А. Зибзеева*
Редактор *Н. Гашева*
Художник *М. Курушин*
Художественный редактор *Н. Горбунов*
Технический редактор *А. Карасев*
Корректор *И. Пархомовская*

Радкевич В. И.

Р15 Стихи разных лет. — Пермь: Кн.
изд-во, 1981. — 122 с.

В сборник вошли новые стихи поэта
и ранее издававшиеся.

Р $\frac{70402-27}{M152(03)-81}$ 28-81

Р2

ИБ № 627

Сдано в набор 24. 11. 80. Подписано в печать 3. 03. 81 г. Формат 70×108^{1/64}. Бум. иллюстрац. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,8, усл. кр.-отт. 2,98; уч.-изд. л. 3,911. ЛБ02018. Тираж 20 000 экз. Цена 60 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 875.

60 коп.